

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОРТРЕТОВ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

*Работа представлена отделом античного мира
Государственного Эрмитажа.*

Научный руководитель – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Е. Н. Ходза

В статье дается анализ основных проблем исследований портретов Александра Македонского. Автор останавливается на методологических аспектах этой темы и показывает большое значение данных изысканий для разработки теории античного портрета и концепции искусства эпохи эллинизма.

Ключевые слова: Александр Македонский, античный портрет, искусство эпохи эллинизма, антиковедение, историография.

The article analyzes the challenges that arise when studying Alexander's portraiture. The author examines methodological aspects of the topic and demonstrates the significance of this research for the exploration of the theory of ancient portraiture and the conception of the Hellenistic art.

Key words: Alexander of Macedon, ancient portraiture, Hellenistic art, classical studies, historiography.

«Я не стыжусь того, что отношусь к Александру с восхищением, – писал Арриан, – нет другого человека, который – один – совершил бы столько и таких дел. Ни у эллинов, ни у варваров, никого нельзя сравнить с ним по размерам и величию содеянного».

Исследование портретов Александра – одна из самых популярных и неоднозначных тем антиковедения. История их изучения насчитывает более ста лет. К портретам Александра обращались представители разных поколений и научных школ, известные антиковеды Германии, Франции,

Англии, США и России. Неизменный интерес к персонажу, накопление фактического материала, развитие теории и метода искусствоведения античности привели к тому, что эта тема, разработанная вширь и вглубь, была преобразована в самостоятельный раздел истории искусства эллинизма. Во всех современных очерках, посвященных искусству эллинистической эпохи, портреты Александра рассматриваются как отдельный феномен, оказавший значительное влияние на форму, стиль, репертуар и содержание искусства [1, 5, р. 108–148; 12, 11, р. 19–33; 4, р. 19–34; 15, с. 19–29]. Их ис-

следование, таким образом, находится не в ряду иконографических штудий, посвященных выдающимся деятелям древности, понимание этого явления важно для концепции искусства эллинизма в целом.

Несмотря на большое количество статей и монографий (историография портретов Александра насчитывает более 70 работ), нельзя не признать, что эта тема еще не исчерпана. Суждения о критериях портретности и датировках до сих пор противоречивы, нет единства во взглядах на роль изображений Александра в истории античного портрета, в оценке их значения для художественной эволюции эпохи эллинизма [5, р. 108ff; 13, р. 42ff]. Как представляется, в основе этого явления находится несколько причин – как общего характера, так и субъективного свойства. На первое место можно поставить необходимость разработки метода исследования, адекватного предмету. Вопрос о методах историко-художественной интерпретации важен для любого историка искусства, однако для искусствознания древности за прошедшие несколько десятилетий он стал одним из основных. Как известно, непосредственным материалом для антиковеда является не первоисточник (т. е. оригинал), но его многократное отражение в копиях, описаниях произведений искусства в литературных и исторических пассажах, изображения на монетах, данные археологических раскопок и т. д. Проблема трансляции информации, заложенной в художественном памятнике, и, наоборот, восхождения к оригиналу здесь представляется наиболее актуальной. Без адекватного метода невозможно понять язык художественного памятника древности, и чем меньше данных, чем сложнее объект – тем больше усилий нужно потратить на его дешифровку.

История исследований портретов Александра наглядно демонстрирует развитие метода в рамках основных этапов истории европейского искусствознания – от «критики копий» в иконографических штудиях конца XIX – начала XX в. до структурного

анализа и семиотики на рубеже XX–XXI столетий. В антиковедении трудно найти другой такой сюжет, исследование которого могло бы вызывать необходимость применения столь широкого методологического спектра.

Методологические поиски тесно связаны с пониманием целей, задач и предмета исследования, суть которого в данном случае постоянно «ускользает». В этом сказывается ситуация, которая в целом характерна для исследований эпохи эллинизма, – фрагментарный и вторичный характер источников.

До нашего времени дошел богатый, но плохо документированный материал. Из многочисленных произведений живописи сохранилась только «Битва Александра и Дария» – римская мозаичная копия с раннеэллинистического живописного оригинала. Остальные картины нам известны лишь по описаниям и повторениям отдельных мотивов, фигур и композиций на фресках, в рельефах, в росписях ваз и на резных камнях. Скульптурный портрет сохранился главным образом в римских копиях, нет ни одного достаточно твердо датированного греческого оригинала. Принято считать, что три скульптурных типа (герма Азара, Александр-Дрезден, Александр-Эрбах) [11, р. 19; 13, р. 42; 5, р. 108–148], восходят к прижизненным произведениям, оставшаяся часть голов – это римские копии эллинистических портретов. При этом критерии «портретности» крайне субъективны, так как основаны на прочтении письменных свидетельств – упоминаний о том, как выглядел Александр и какое впечатление производили его изображения. Единственный достоверный источник – монеты диадохов, на которых есть портретный профиль и надпись: «Александр». Портреты Александра, однако, появились на монетах после смерти великого завоевателя – как доказательство легитимности наследства, как знак преемственности политики основателя империи. Поэтому монеты гораздо больше говорят о том, какое место его фигура зани-

мала в идеологии эллинистических монархий. Изображение Александра на монетах – это символ, идеологема, весьма далекая от реального облика модели.

Созданию целостной картины препятствует сложность не только материала, но и контекста, с которым сталкивается любой исследователь эллинизма. Эллинизм – эпоха хаоса и стремительных перемен, период политической нестабильности, рождения новых государств и социальных институтов. В сравнении с любым другим этапом античной истории – классической Грецией, республиканским и императорским Римом – здесь значительно меньше ясности в оценке исторических процессов. Это утверждение справедливо и для истории искусства эпохи эллинизма. Ведущие специалисты в этой области и сейчас обсуждают ряд «сущностных» вопросов – в частности, определение того, что находится в основе периодизации искусства эллинизма, вопрос о применимости понятия «стилистической эволюции», о том, каковы различия региональных художественных школ, как соотносится развитие искусства с политической историей, каковы соотношения эллинского и восточного элементов [4, 5, 11, 13]. «Нелинейное» развитие стилей, разнообразие жанров и художественных течений, богатство изобразительного языка и сложность рефлексии (т. е. отсылки к классическим образцам) относят к специфическим особенностям этого периода. Эклектизм, подвижность мастеров, перемещение художественных произведений и многократные повторения композиций в разных видах искусства чрезвычайно затрудняют определение места и времени создания памятника, особенно в том случае, если «внешние» данные о находке полностью отсутствуют.

Наряду со спецификой эллинизма как особого этапа истории античного мира в сложности исследований портретов Александра сказались специфика изучения античного портрета как жанра. Не случайно эта тема давно оказалась в центре внимания специалистов, разрабатывающих

теоретические вопросы искусствоведения античности [2, s. 9–60; 6, s. 58–118; 7, 8, p. 398–405; 9, s. 163–188; 4, p. 18–34; 10; 13].

Основой дефиницией теории портрета является понятие сходства, а также категории индивидуального и типического. Наилучшим образом расхождение между современными и античными представлениями о портрете описала Риджуэй: «Под сходством мы понимаем намеренное изображение черт лица персоны, так чтобы портрет нельзя было перепутать с кем-либо другим. Эта дефиниция базируется на современных стандартах сходства с моделью, хотя и не исключает широкую градацию от идеализма в парадном портрете до карикатуры. В римское время портреты императоров служили целям пропаганды и, несмотря на идеализацию, должны были остаться узнаваемыми в исторической перспективе, вплоть до нашего времени. Справедливо ли это для эллинизма?» [5, p. 109]. Эта проблема получила дальнейшее развитие в статье Анне Нильсен [7, p. 25–43]. Нильсен обращает внимание на то, что «сходство не является целью греческих портретистов; они стараются выразить месседж при помощи портретных черт. Это язык, который мы понимаем лишь отчасти... Иконография Александра – контаминация мифа и традиции, и эта ситуация ярко проявляется в определении памятников» [7, p. 31]. Так, например, открытым остается вопрос об Александре Ронданини: более двух столетий статуя считалась общепризнанным портретом, в настоящее время исследователи склоняются к тому, что мюнхенский антик изображает Ахилла или Ареса.

В последние десятилетия появились работы, которые сделали существенный шаг вперед в разработке теории античного портрета. Фокус исследования был смещен от категории сходства к функции памятника и его контексту, а также к мифологической составляющей портретного образа. Согласно Т. Хельшеру, «черты Александра» не являлись его персональными особенностями, а возникли из иконографии идеальных персонажей эпохи классики, в то

время как образ царя был создан на основе представлений о греческих богах и героях [2, с. 24]. Дж. Поллитт пришел к выводу о том, что портреты Александра «представляют не столько человека, сколько идею». Изображая Александра, Лисипп создает художественный образ «вдохновенного героя», который становится расхожим стереотипом в изобразительном искусстве эллинизма [4, р. 31, 70]. Р. Смит ввел термин «*gole portrait*», рассматривая этот жанр с точки зрения публичной функции портрета в обществе эллинистической эпохи. Наконец, Э. Стюарт сформулировал мысль о том, что «фигура Александра в античности... скорее парадигма, чем персона» [13, р. 5].

Еще в античности была осознана двойственность фигуры Александра – реального человека, при жизни ставшего героем мифа. Личность и деяния македонца произвели глубочайшее впечатление на современников и потомков. Образы царя вдохновили новые тенденции в изображении правителей, богов и героев, послужили источником новых иконографических мотивов и стилистических форм. Этот феномен достаточно хорошо изучен в пределах одного эллинистического жанра – царского портрета [10]. В остальном исследователи нередко вынуждены ограничиваться лишь констатацией сходства, хотя александровские типы встречаются повсюду – в погребальном искусстве, в культовых и votивных статуях богов и героев, в мелкой пластике, частном портрете и даже украшениях на утвари. Чаще всего не понятно, намеренно или случайно художник заимствует черты Александра, а также не ясны их значение и смысл [14, с. 62–77; 16].

Проблема влияния портретов Александра на мифологические образы в искусстве эллинизма – одна из актуальных проблем историографии. Разработка этой темы позволит разрешить практический вопрос о критериях разделения портретов от эллинистических и римских имитаций. Описание мотивов даст возможность вплотную подойти к анализу понятий, которые можно считать ключевыми в изучении искусства эпохи эллинизма, – новаторство и стереотип, классический образец и его интерпретация.

Наконец немаловажным обстоятельством, повлиявшим на историю изучения портретов, явилась выдающаяся роль Александра в европейском сознании Нового времени. В течение последних нескольких столетий его фигура приобрела большое значение в философии истории и общественной идеологии [17]. Интерес к Александру постепенно превратился в культ, и в XX в. «каждый уважающий себя музей должен был иметь своего Александра» [13, р. 5]. К этому времени множество изображений героев и богов было бесосновательно включено в число портретов. Несколько знаменитых антиков (Александр Ронданини, «Умиравший Александр») были развенчаны в трудах Э. Шварценберга, который сумел убедительно проследить истоки этих заблуждений в эстетических взглядах XVII–XVIII вв. «Для того чтобы найти объяснение портретам Александра, нужно понять, чем портрет являлся для каждого поколения», – писал Шварценберг. Он полагал, что многие ошибки связаны со стереотипами восприятия Александра, характерными для Нового времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bieber M.* The Sculpture of the Hellenistic Age. N.Y., 1961.
2. *Hölshen T.* Ideal und Wirklichkeit in der Bildnisse Alexanders des Grossen. Abhandlungen Geidelberger Akademie der Wissenschaften, Phililogosh-Historishe Klasse. Heidelberg, 1971. S. 9–60.
3. *Nielsen A. M.* Alexander and the question of «Alexanderlikeness» in Greek Portraiture / Ancient Portraiture. Image and Message. Acta Hyperborea 4. Copenhagen, 1992. P. 29–43.
4. *Pollitt J. J.* Art in the Hellenistic Age. Cambridge, 1995. P. 19–34.
5. *Ridgway B. S.* Hellenistic Sculpture. Vol. I. The Styles of ca. 331–200 B. C. Madison, Wis. 1989. P. 108–148.

6. *Schwarzenberg E.* Der Lysippische Alexander/ Bonn Jahr, 1967, 167, S. 58–118.
7. The portraiture of Alexander'. In *Alexandre le Grand: Image et réalité*. Fondation Hardt, entretiens, 23, ed. By E.Badian, Geneva, 1976.
8. From Alessandro morente to the Alessander Rishelieu. The Portraiture o Alexander the Great in Seventinth-Century Italy and France»/Jwarb 32, 1969. P. 398–405.
9. Zum Alexander Rondanini oder Winkelmann und Alexander/ Wandlungen, Ernst Homann-Wedeking gewidmet, Waldsassen, 1975, S. 163–188.
10. *Smith R. R. R.* Royal Hellenistic Portraits. Oxford, 1988.
11. *Smith R. R. R.* Hellenistic Sculpture. New York, 1995. P. 19–33.
12. *Stewart A.* Greek Sculpture: An Exploration. New Haven, London, 1990.
13. *Stewart A.* Faces of Power. Alexander's Image and Hellenistic Politics. University of California Press. Berkeley, Los Angeles, 1993. P. 42 ff.
14. *Трофимова А. А.* «Imitatio Alexandri» в искусстве эпохи эллинизма // Эллинистические штудии в Эрмитаже: Сб. ст. к 60-летию М. Б. Пиотровского / Науч. ред. Е. Н. Ходза. СПб., 2004. С. 62–77.
15. *Трофимова А. А.* Лицо, обращенное к небу. Александр Великий. Путь на Восток: Каталог выставки / Науч. ред. А. А. Трофимова. СПб., 2007. С. 19–29.
16. *Трофимова А. А.* К проблеме влияния портретов Александра на мифологические образы искусства эллинизма (Александр Великий, гиганты и Гелиос)// Известия РГПУ. 2008. № 31.
17. *Трофимова А. А.* Портреты Александра Македонского в историографии античности XX века // Известия РГПУ. 2008. № 32.